

Три новеллы

Одесса. "Венгерские танцы"

Наконец я просыпаюсь.

Темнеет.

Свист за окном.

Это Игорь.

Мы встречаемся на углу и считаем оставшиеся после вчерашнего рубли и мелочь. На Бетховена, пожалуй, не хватит, в лучшем случае на Мусоргского. Мы спускаемся по Торговой к бульвару и заходим за Шуриком; увидев нас, он тут же достает из шкафчика "Венгерские танцы". Игорь осторожно вынимает диск слегка дрожащими руками; мы похмеляемся Брамсом и выходим на улицу. Нам лучше, теперь мы троим, к тому же Шурик сегодня при деньгах. В Малом переулке мы спускаемся в хорошо знакомый подвал и спрашиваем Оффенбаха. "Прекрасной Елены" сегодня нет, вежливо извиняется официант, только "Парижская жизнь". Ну, "Парижская жизнь", так "Парижская жизнь"; мы берем одно действие и "Юмореску" Дворжака вместо закуски. Минут через сорок мы выбираемся из подвала на Гаванную, покупаем Альбини и Грига в магазине напротив и аккуратно, чтобы не уронить, несем их в городской сад; мы находим пустую скамейку в густой темноте у стены летнего театра, Игорь достает из кармана плейер, подключает три наушника, два из которых отдает нам, и нажимает на "Плей". Проходит не меньше часа, пока мы не возвращаемся из темноты в яркие огни Дерibasовской, немного покачиваясь от "Адажио" и задирая идущих навстречу дам. Еще не поздно, и мы решаем прогуляться; теплый июньский вечер; на бульваре мы видим, как внизу, у грота, интеллигентного вида ребята, озираясь, достают из портфеля "AC/DC" и "Black Sabbath"; на Екатерининской нам попадаются темнолицые алкаши, угрюмо слушающие Эминема в подворотне; на Базарной три веселые девицы балуются Машей Распутиной прямо посреди тротуара. На Пушкинской Игорь останавливает троллейбус и предлагает водителю вместе с нами прямо здесь послушать "Пер Гюнта"; водитель нерешительно отказывается, объясняя, что он на работе. Около одиннадцати Шурик предлагает съездить искупаться в Аркадию, и мы садимся в такси на Канатной, по дороге берем "Танец с саблями" и "Полет шмеля", прохо-

дим налево к "Жемчужине", оставляем вещи на песке и медленно входим в теплую черную воду. Мы возвращаемся в город после полуночи, до краев наполненные Римским-Корсаковым и Хачатуряном, и оказываемся на Греческой. Здесь все еще шумно; какие-то японцы, изрядно навеселе, за-таскивают нас в "Июкогаму", откуда мы выбираемся все вместе, обнявшись, не раньше чем через час, раскачиваясь под флейту Горо Ямагучи. Игорь предлагает идти в "Театральный"; никто не возражает, и уже через несколько минут мы сидим там у окна вместе с Шуманом, Шубертом и Листом, сидим до тех пор, пока не замечаем, что, кроме нас шестерых, в "Театральном" давно уже никого нет. Мы заказываем "Маленькую ночную музыку" на десерт; Шурик идет в кухню и выпрашивает у метрдотеля "Рондо каприччиозо" в исполнении Ойстраха. В конце концов мы находим выход из ресторана, пешком добираемся к Игорю на Коблевскую и долго слушаем скрипку, не включая свет и растянувшись на полу с открытыми глазами. Наконец мелодия окончательно растворяется в воздухе; нам хочется еще, но у Игоря больше нет ничего скрипичного. Мы принимаем мужественное решение, спускаемся вниз и едем к Яше, скрипачу филармонического оркестра, который, хотя и недоволен нашим вторжением, но все же играет и играет нам из Вивальди и Паганини, закрыв глаза и стоя посреди кухни в мятой байковой пижаме.

Примерно в половине четвертого я обнаруживаю, что кухня кружится у меня перед глазами вместе с Шуриком, Игорем, Яшей, Вивальди и Паганини.

Я переполнен.

Я больше не могу.

Я с трудом поднимаюсь, выхожу на улицу, останавливаю первую попавшуюся машину и еду домой.

Я засыпаю, когда уже начинает светать, плотно закрыв окна и выключив радио, телевизор, магнитофон и CD-плеер.

Завтра ни ноты.

Одесса. "Старка"

Здесь тесно.

Здесь негде пройти.

Ты выходишь из самолета в аэропорту. Игорь уже ждет у выхода; он везет тебя прямо к себе на Нежинскую. Тот же дом начала века, тот же темный подъезд, те же мраморные ступени. Его родители, Галина Пор-

фирьевна и Александр Александрович, встречаются тебя в коридоре, как двадцать лет назад. Из соседней двери выглядывает соседка, с которой ты познакомился в шестьдесят седьмом; она узнает тебя. Стол накрыт; ярко светит люстра; Наташа раскладывает салфетки. Ты садишься там же, где обычно, спиной к черному пианино "Рениш". Игорь говорит тост; все выпивают; ты кладешь себе кусочек брынзы и икру из синих. Громкий звонок. Входит Витя; он только что с московского поезда. Все выпивают еще; Игорь с Димой выходят курить на площадку; Юра с Женей экспромтом произносят тост в стихах; Вождь читает текст, написанный сегодня днем специально к твоему приезду. Александр Александрович зовет тебя к телефону; это Ньюма, он уже знает, что ты прилетел. Дима разливает коньяк, Наташа с Любой и Викой несут из кухни горячее, а вы все еще сидите в горячем вечернем воздухе у открытых окон, и Ойстрах играет Сен-Санса среди белеющих в темноте акаций где-то высоко над землей. Ты просыпаешься поздно, завтракаешь с Игорем в кухне, идешь с Галиной Порфирьевной на Новый базар и в рыбном корпусе издалека видишь Сережу, который несет подмышкой двух огромных лещей. Вы покупаете пиво и идете к нему на Ольгиевскую, где вас уже ждет Славик. Через два часа ты звонишь Диме, выходишь на Островидова, ловишь такси и едешь на восьмую Фонтана. Дима уже ждет тебя внизу; вы переходите через дорогу, проходите по Литературной к морю, раскладываете вещи на песке, прыгаете в воду с пирса и плывете к волнорезу. Когда вы возвращаетесь, Сеня с Витей уже играют в карты на топчане рядом с вами; вы расписываете две пульки, изредка делая перерывы для купания, поднимаетесь к Боре пообедать и поиграть на бильярде, встречаете Ларису и Наташу на обратном пути, купаетесь в последний раз и отправляетесь назад в город. Вы выходите на Ленина возле "Двух слонов" и, встретив напротив "Детского мира" Аркадия, проходите вперед к Оперному, чтобы выпить кофе где-нибудь по дороге. На углу Дерибасовской и Карла Маркса стоит Шурик, высокий, сильный, загорелый; он рад видеть тебя. Вы спускаетесь в "Оксамит" за шампанским, потом едете к Ире на Чкалова, потом к Алику на Черемушки, потом в Шалашный, потом еще куда-то, ты уже не соображаешь, куда. Ты просыпаешься у Игоря на Нежинской; солнце уже поднимается над крышами выходящих на Подбельского домов; ты умываешься у открытого окна высоко над городом, выходишь на Петра Великого, покупаешь пакет пирожных в кафе на Садовой и бутылку кефира в магазине на Щепкина, проходишь через горсад к Опер-

ному театру, садишься на каменную ограду в Театральном переулке и видишь, как Витя, улыбаясь, спускается к тебе по широкой лестнице с черной чугунной решеткой. Вы не спеша завтракаете, глядя на пароходы далеко внизу у горизонта; Сеня приходит минут через десять, а когда вы наконец встаете и выходите на бульвар, Игорь уже идет вам навстречу от "Лондонской". Вы берете два такси на площади Потемкинцев, проезжаете по Карла Маркса, Водопроводной и Черноморской дороге и выходите у Таировского кладбища. Игорь покупает бутылку "Старки" в киоске у ворот, вы проходите вперед по центральной аллее, берете немного вправо и долго бродите среди разросшихся кустов и непривычно высоких деревьев, обходя заброшенные могилы. Игорь находит Ньюму первым, это далеко, и вы долго идете к ним по заросшим травой проходам. Ты видишь знакомый памятник, открываешь завязанную проволокой дверцу,ходишь в ограду и кладешь на камень цветы. Ты плачешь. Через неизвестно какое время ты вспоминаешь, где ты, открываешь глаза и отрываешься от теплого камня. Вы проходите еще дальше вправо, к новым участкам, и распиваете "Старку" за маленьким столиком рядом с Димой и Любой. Жарко и очень тихо; стрекохот кузнечики, высоко в небе крошечный самолетик бесшумно делит мир пополам. Вы выходите на шоссе, останавливаете автобус и доезжаете до нового кладбища на месте аэропорта "Застава". Вечерет; вы быстро находите Шурика и около часа стоите возле него, разговаривая друг о друге. Вы добираетесь до города на попутной машине и ужинаете в пабе; ты напиваешься, как свинья, и Игорь, не менее пьяный, тащит тебя домой через всю Дерибасовскую. Ты снова просыпаешься поздно; твой самолет через три часа. Вы завтракаете в комнате, ты складываешь в чемодан книги, и Игорь везет тебя в аэропорт по Комсомольской, Моисеенко и Щорса. Ты обнимаешь его у дверей, проходишь таможду, выходишь из автобуса и оглядываешься перед трапом. Игорь, Сеня, Шурик, Дима, Алик, Ньюма, Лариса, Наташа, Вика и Люба, Юра с Женей, Сережа, Славик и Вождь, Ира, Боря, Аркадий, мама с папой, Галина Порфирьевна и Александр Александрович машут тебе с маленькой площади из-за закрытых ворот. Ты отворачиваешься и, поднимаясь в самолет, уже не успеваешь увидеть, как четверо из них постепенно растворяются в горячем вечернем воздухе. Ты знаешь, что снова увидишь их всех, когда в следующий раз выйдешь в этот воздух из разделяющего мир пополам самолета.

Москва. "Белый аист"

Сначала все будет очень приятно.

Ты окажешься единственным ребенком, твои родители будут очень любить тебя, и светлыми летними вечерами ты будешь подолгу раскачиваться в темнеющем небе где-то высоко над землей на прочных, надежных канатах, связывающих вас друг с другом. Через какое-то время канаты превратятся в крепчайшие стальные тросы; родители всегда будут рядом с тобой, твоя жизнь будет легка, и ты будешь уверен во всем. Ты сорвешься вниз в первый раз дождливым ноябрьским утром, когда папа выйдет из квартиры со старым чемоданчиком в руках, чтобы вернуться через двадцать семь лет, и один из казавшихся вечными тросов лопнет в сыром воздухе поздней осени с оглушительным звуком, которого ты не услышишь; тебе только исполнится четыре года. Ты навсегда запомнишь это ошеломляющее чувство внезапного падения с огромной высоты, щемящую пустоту под ребрами и застрявший в горле воздух. В этот раз все обойдется, и ты повиснешь у самой земли, накрепко привязанный к маме, и она понемногу, собравшись с силами, снова поднимет тебя туда, где ты был, и ты снова начнешь раскачиваться в высоком летнем небе и узнаешь про осторожность. Теперь тебе всегда будет не хватать этого второго троса, который делал жизнь такой легкой; сначала ты попробуешь заменить его пучком тонких нитей, соединяющих тебя с двоюродными и троюродными братьями и сестрами, а также с их родителями; со временем эти нити утончатся до незаметности, но это случится намного позже, когда ты уже станешь взрослым; а до того ты успеешь пойти в школу. Здесь у тебя появятся друзья, и твоя жизнь начнет постепенно облегчаться, по мере укрепления того тончайшего и неуловимого, что соединит вас при первой встрече. К моменту, когда ты начнешь взрослеть, эти ломкие сочленения превратятся в прочнейшие связи, и твоя жизнь будет твердо опираться на них высоко над землей, и тебе станет легко, и ты снова будешь раскачиваться в вечернем небе. Ты будешь помогать друзьям так же, как и они тебе, и однажды тебе покажется, что все опять так, как было тогда, в самом начале, когда тебя поддерживали только мама и папа; ты станешь взрослым и забудешь про осторожность. Ты будешь кувыряться в бесконечном августовском небе, опираясь на друзей и поддерживаемый мамой; ты будешь плакать от счастья и умирать от любви, но это все равно будет не так, как раньше. Ты станешь беспечным; ты не заметишь, как трос, соединяющий тебя с матерью, начнет ослабевать, когда она заболит; женщина,

которую ты наконец выберешь, потребует от тебя поддержки и ничего не даст взамен; у тебя не будет детей; ты несколько раз позволишь себе пренебречь тем, что связывает тебя с друзьями.

Ты сорвешься вниз во второй раз, когда мама умрет. Друзья еще успеют подхватить тебя, когда ты окажешься далеко внизу, и ты сможешь снова подняться, опираясь на них; появившийся из ниоткуда отец тоже попробует тебе помочь, но вас уже не будет ничего связывать. В конце концов, ты все-таки выберешься наверх и снова начнешь раскачиваться в вечернем небе; тебя будут предупреждать, что это опасно, но ты не послушаешь; ты перестанешь обращать внимание на окружающих и практически забудешь о друзьях. Когда ты сорвешься вниз в третий раз, рядом уже не будет почти никого; те несколько человек, появившихся в твоей жизни за последние годы, два собутыльника и эта женщина, не смогут удержать тебя на тоненьких ниточках, едва успевших возникнуть между вами. Ты упадешь назад в ту не имеющую формы темноту, откуда тебя когда-то вытащили мама и папа, и когда ты будешь падать, у тебя в руке будет зажата пустая бутылка "Белого аиста".

Париж

